

ских ученых за 1663—1688 гг. Среди корреспондентов Рикия — Перизоний (12 писем), Томас Мункер (10 писем), Гейнзий (10 писем), Грефе (6 писем). «Переписка этих ученых с Рикием посвящена обмену мнений относительно поселения троянцев в Италии, истории основания Рима, анализу текстов Гомера, Гесиода, Ливия, Евтропия, Вергилия, библиографическим разысканиям, отзывам на переводы с греческого и латинского языков» (стр. 21). На оборотной стороне некоторых писем рукой Рикия сделаны различные пометы, часто исторического или текстологического содержания. Все письма не опубликованы.

Замечательным источником для характеристики научных интересов и связей европейских ученых второй половины XVII в. является переписка выдающегося голландского историка и филолога Якоба Перизония, начавшего своей работой «Animadversiones Historicae» (1685 г.) научное изучение ранней римской истории, написавшего одну из первых диссертаций о Диктисе Критском, источнике, заменявшем западноевропейскому читателю до появления в Европе в середине XIV в. греческого текста «Илиады» и «Одиссеи» поэмы Гомера, комментировавшего произведения латинских и греческих писателей, занимавшегося изданием латинской грамматики. В составе коллекции П. П. Дубровского имеется 31 письмо самого Перизония и 74 письма

к нему от ученых Франции, Германии, Голландии. Из 105 писем, связанных с именем Перизония, опубликовано лишь 7.

Даже простое перечисление имен исследователей древней истории и филологов-классиков XVI-XVII вв. способно обратить внимание специалистов на наши рукописные сокровища. Незнучность же почти всего вошедшего в каталог материала должна повысить интерес историков науки к документам, впервые описанным Е. В. Бернадской и Т. П. Вороновой. Можно пожалеть, что такого интереса наши классики пока не проявили: насколько нам известно, за последние 50 лет не появилось ни одной работы, посвященной деятельности филологов-эрудитов XVI-XVII вв. Быть может, выпущенный Рукописным отделом ГПБ каталог пробудит интерес советских ученых к замечательной эпохе создания основ исторической и филологической науки и вызовет желание изучить и опубликовать ценнейшие документы.

Хотелось бы надеяться, что выходом в свет первого печатного каталога западноевропейских рукописей из коллекции П. П. Дубровского Рукописный отдел ГПБ не ограничится и продолжит публикацию научного описания бесценных манускриптов знаменитого собрания. Этого уже давно с нетерпением ждут все советские и зарубежные античники и медиевисты.

Б. Л. Фонкич

АННОТАЦИИ

B. BRENTJES, Wildtier und Haustier im alten Orient («Lebendiges Altertum, Populäre Schriftenreihe für Altertumswissenschaft, XI»), В., Akademie-Verlag, 1962, 50 стр., XVI табл.

Эта небольшая популярная книга подводит итоги обстоятельнейшим многолетним исследованиям автора о приручении и разведении домашних и полезных животных в странах древнего Востока¹.

¹ См. также B. Brentjes, Gazellen und Antilopen als Vorläufer der Haustiere im Alten Orient, WZMLU, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, XI, 1962, № 6, стр. 537—548, табл. I—III; он же, Die Caprinae, там же, стр. 549—594, табл. I—XIV; он же, Mensch und Katze im Alten Orient, там же, стр. 595—634, табл. I—XIV; он же, Nutz- und Hausvögel im Alten Orient, там же, стр. 635—702, табл. I—XXVII; он же, Gelegentlich gehaltene Wildtiere des Alten Orients, там же, стр. 703—732, табл.

Являясь одновременно и археологом, и зоологом, Б. Брентьес, исследуя огромный археологический материал, включая иконографический и костные остатки, устанавливает не только породу данного животного, но и делает выводы о степени его domestikation, его ареале распространения и его происхождении. Автор местами привлекает также и данные письменных источников, хотя и не использует их в полной мере. Суммируя названные ра-

I—X; он же, Rückschlüsse auf die Wasserführung und Vegetation im alten Orient anhand der auf den archäologischen Denkmälern auftretenden Fauna, там же, стр. 733—742, табл. I—III; он же, Das Kamel im Alten Orient, «Klio», 38, 1960, стр. 23—52; он же, Der Elefant im Alten Orient, «Klio», 39, 1961, стр. 8—30; он же, Das Schwein als Haustier des alten Orients, EAZ, III, 1962, № 2, стр. 125—138, табл. VIII—XIII; он же, Die Schafzucht im Alten Orient, EAZ, IV, 1963, № 1, стр. 1—22, табл. I—III.

боты Брентьеса, можно сказать, что этот ученый ГДР фактически создал первую крупную марксистскую монографию по истории животноводства на древнем Востоке. Б. Брентьес, которому хорошо знакома и советская литература вопроса, постоянно связывает одомашнивание тех или иных животных с уровнем развития производительных сил и общественных отношений. На протяжении всей книги, равно как и в специальной работе², он рассматривает изменения природных условий, вызванных domestikацией животных и необходимостью добывания корма для них, а также влияние этих вторичных обстоятельств на состояние водного и земельного хозяйства. Он указывает, что наряду с общим осушением климата и сведением лесов вытаптывание скотом травяных покровов и поедание козами и верблюдами зеленых побегов привело в конце II тысячелетия до н. э. к резкому ухудшению условий жизни на древнем Востоке, и отмечает, что, хотя именно здесь возникла столь прогрессивная отрасль хозяйства, как животноводство, ближневосточные народы, обогатив экономику, сами принесли этим в жертву собственное благосостояние.

Остановившись сначала на вопросе об одомашнивании древнейшего, повсеместно прирученного еще около 10 000 лет до н. э. животного — собаки и на вопросе об одомашнивании газелей и антилоп, которые содержались в качестве живого запаса мяса, что утратило хозяйственное значение лишь во II тыс. до н. э., автор переходит к вопросу об одомашнивании козы. Неприхотливость этого животного способствовала его ранней domestikации (уже в докерамическом неолите Перихона имеется домашняя коза). Указаны также все возможные способы использования животного вплоть до перевозки кладки.

Более высокой ступени развития производительных сил, которая была связана с полукочевым бытом и земледелием, требовало одомашнивание овец, однако и она была domestikирована около 6000 г. до н. э. Брентьес доказывает это наличием статуэток и изображений домашних животных, считая, что изображение того или иного из них в качестве божества появляется после его domestikации, а не является пережитком примитивного тотемизма. Приводимые в пользу этого примеры убедительны.

Б. Брентьес также указывает на огромное прогрессивное значение domestikации крупного рогатого скота. Костные остатки и статуэтки и здесь приводят нас в Южную Сирию. Вряд ли, однако, можно считать доказанным тезис автора (Wildtier und Haustier, стр. 29), что без одомашнивания крупного рогатого скота немалым переход к классовому обществу,

хотя его хозяйственное применение в качестве поставщика мяса, молока, кожи, тягловой силы и даже как верхового животного, несомненно, ускорило развитие общества.

Свиноводство Брентьес возводит к V тыс. до н. э. и родины его считает как Иран, так и Палестину. Позднейший же запрет употребления свинины в пищу древнееврейскими и другими семитическими племенами автор объясняет не рационалистически (предписания гигиены) или табуированием тотемных животных (как это делают многие историки религии), а консервацией в условиях общего упадка свиноводства в конце II тыс. до н. э. представлений кочевников о полной непригодности этого животного в хозяйстве³.

Много внимания уделено домашним и охотничьим птицам. Первой домашней птицей Б. Брентьес считает голубя и лишь затем (III тыс. до н. э.) курицу, впервые domestikированную в Индии и затем появившуюся в Двуречье. Нельзя, однако, согласиться с выводом автора о неудаче разведения гусей на древнем Ближнем Востоке (Nutz- und Hausvögel..., стр. 636). Помимо египетских изображений гусей, здесь следует указать на данные угаритских источников (XIV—XIII вв. до н. э.) об «откормленных гусях» (ʾuzm mṛ at) и даже специальных «гусепах» (rʿu ʾuzm)⁴.

До сих пор не появилось подробного исследования автора о транспортных животных (лошадях, ослах, мулах). В рецензируемой краткой монографии он говорит (стр. 34 сл.) лишь о приручении ослов в конце IV тыс. до н. э. и о появлении лошади во второй половине III тыс. в Месопотамии и во II тыс. в Египте.

Интересны данные о слонах. Наличие слона в Северной Сирии вплоть до конца II тыс. до н. э. документально доказано. Именно благодаря этому Сирия стала крупным центром художественного костерезного ремесла.

Хотя отдельные попытки domestikации верблюда предпринимались в ряде стран уже в IV тыс. до н. э., прочно в быт стран древнего Ближнего Востока это животное вошло лишь в конце II — начале I тыс. до н. э. Автор связывает это явление с усилением засушливости и частичным вытеснением ввиду этого коровы и овец. Одомашнивание же верблюда резко улучшило условия транспорта и дало возможность заселить пустыни.

Все работы Б. Брентьеса богато иллюстрированы. Они являются ценней-

² B r e n t j e s, Rückschlüsse...

³ Ввиду непригодности свиньи к кочевьям, как известно, нет ни одного кочевого свиноводческого племени.

⁴ См. J. Aistleitner, Wörterbuch der Ugarischen Sprache, B., 1963 стр. 10, № 125.

шими справочными пособиями по экономике древневосточных стран, а равно и руководствами по зоологии, ботанике и гидрологии рассматриваемых областей.

М. Г.

P. SACCHI, *Osservazioni sul problema degli Aramei*, Firenze, Accademia Toscana di Scienze e Lettere «La Colombaria», 1960, 62 стр.

Небольшая по объему, но содержательная книга итальянского исследователя Паоло Сакки не является очерком истории арамейцев и не претендует на замену обобщающей работы Дюпон-Соммера (A. Dupont-Sommer, *Les Araméens*, P., 1949). Автор ставит себе целью лишь выяснить происхождение термина «арам», первоначальный ареал обитания арамейцев и причины их последующего широкого распространения в Передней Азии.

П. Сакки в самом начале своего исследования подвергает сомнению общепринятую точку зрения, считающую первоначальных арамейцев группой кочевых и полукочевых племен, обладавших этнической и языковой общностью и широко распространенных в Передней Азии с XII в. до н. э. Чтобы не быть голословным, автор изучает все упоминания об арамеях по географическим районам древней Передней Азии.

Касаясь арамейцев Вавилонии (*араму*, *аруму* — стр. 9—16), П. Сакки отмечает, что ни один из имеющихся источников не говорит о их идентичности с халдейскими племенами. Данные же источников говорят: 1) арамен Вавилонии I тысячелетия до н. э. жили в Нижней Месопотамии; 2) мы имеем здесь дело с группой племен, однако нет данных о их политической общности, и их название не дается никогда в связи с каким-либо государственным объединением; 3) они вели полукочевой образ жизни и известны здесь с XI в. до н. э.

Иная картина возникает при рассмотрении арамейцев Северной Месопотамии (Ассирии, стр. 16—25). Начиная со второй половины II тысячелетия до н. э. *араму* (*аруму*) обитали к западу отисконных областей Ассирии, по течению реки Хабур. Все упоминания арамейцев, в надписях ассирийских царей связаны с указанием на страну Араму (^{mat} Aramu), причем упоминается также царь (šarri) этой страны. В то же время нет никаких данных, которые могут характеризовать *араму* как кочевников. Это приводит П. Сакки к выводу, что они появились здесь отнюдь не вследствие возникновения в результате ассирийских походов и сопутствовавшего им

разорения и обезлюдения малонаселенного пространства, путем переселения с запада, как полагает большинство исследователей¹, а были исконным населением этой области. Термин *арам* имеет, по Сакки, хурритское происхождение. Касаясь ослабления Ассирии около 1080—930 гг. до н. э., автор высказывает мысль, что причиной его было не вторжение кочевников, а усиление страны Араму.

Далее П. Сакки разбирает проблему ахламейев (Ahlamu — стр. 25—37). Он констатирует, что все источники говорят о них как о кочевниках, живших, по крайней мере с XIV в. до н. э., по окраинам стран «плодородного полумесяца». Тот факт, что в текстах Тиглатпаласара I (начало XI в.) говорится об Ахламу страны Араму (^{mat} Aramu), автор книги рассматривает как доказательство поселения ахламейев в определенный период на положении подчиненных в стране Араму, расположенной к западу от Ассирии. Это, по мнению Сакки, ни в коей мере не должно указывать на этническую общность ахламейев и арамейцев. Этническое происхождение первых остается неясным².

Следующий раздел книги (стр. 37—40) посвящен рассмотрению отдельных упоминаний слова *арам* в текстах времени Нарамсина, III династии Ура, Мари, Алалаха, Угарита и др. Имея явное свидетельство, что он встречается с конца III тысячелетия до н. э., мы лишены, однако, возможности сделать из этого более широкие выводы.

Говоря об арамеях Ханаана (Сирии — стр. 40—51), автор отмечает, что хотя в надписи Бен-Адада этот царь говорит о себе как о «царе Арама» (mlk²rm)³ и библейские книги упоминают в Сирии целый ряд царств, применяя к ним термин «Арам» (ʾrm Dmšq, ʾrm Šwbh, ʾrm M²khidr.), ассирийские источники никогда не применяют к государствам Сирии I тысячелетия до н. э. термин «Арам». Тот же факт, что в Сирии вплоть до Дамаска начиная с I тысячелетия до н. э. был широко распространен арамейский язык, что по данным Библии в конце XI в. царь древнего Израиля Саул воевал с «царями Цобы (Šwbh)» и что в надписи из Сфире говорится о «всем Араме» (ʾrm klh), свидетельствует, по мнению П. Сакки, о наличии здесь полукочевых арамейских племен⁴,

¹ См. эту точку зрения: «Всемирная история», т. I, М., 1955, стр. 325.

² См. также S. Moscati, *The Aramaean Ahlamu*, JSS, IV, 1959, № 4, стр. 303—307.

³ См. М. Гельцер, Надпись Бен-Адада I, царя Дамаска, и международные отношения в Передней Азии в начале IX в. до н. э., ЭВ, XII, 1958, стр. 16—22.

⁴ См. также P. Sacchi, *Per una storia di Aram*, PdP, LXV, 1959, стр. 124—

создавших впоследствии здесь свои государственные образования, распространившие арамейский язык и ассимилировавшие в языковом отношении местное население.

Бегло коснувшись еще данных об «Араме» Междуречья (*ṣm Nhrum* — стр. 51—54), П. Сакки переходит к итогам: 1) «Арам» впервые в истории упоминается на территории к западу от Ассирии со второй половины II тысячелетия до н. э., причем в качестве государства с монархическим устройством; 2) сам термин *арам*, по-видимому, хурритского происхождения; 3) арамеи Сирии начала I тысячелетия до н. э. представляли собой кочевые или недавно осевшие племена. Вполне вероятно, что они происходят из страны Арам к западу от Ассирии или от обитавших там же в конце II тысячелетия аххамеев, на которых в Сирии I тысячелетия перешло и название «Арам»; эти племена были вынуждены переселяться на запад под ударами Ассирии; 4) неясно, кто был первоначальным носителем арамейского языка — племена, составлявшие первоначальное ядро арамеов, или же племена, смешавшиеся с арамеями, на которые это название перешло впоследствии.

Как мы видим, книга Сакки по-новому ставит целый ряд вопросов. Однако автор лишь наметил некоторые новые пути исследования в арамейстике. Дальнейшие исследования и публикации источников должны показать, что будет принято и что отвергнуто в построениях П. Сакки.

М. Г.

134; он же, *Osservazioni storiche alla prima iscrizione aramaica di Sfire*, *Rend. Linc.* XVI, 1961, fasc. 5—6, стр. 175—191.

D. HARDEN. *The Phoenicians (Ancient Peoples and Places, XXVI)*, L., 1962, 335 стр. 115 табл. 82 илл. и карт.

Книга Д. Хардена представляет собой популярный очерк истории и культуры финикийцев как восточных, так и западных, в первую очередь Карфагена и карфагян, которым в настоящей работе и уделяется основное внимание. Первые три главы посвящены беглому обзору происхождения финикийцев, географии собственно Финикии и ее истории (стр. 19—56). Целям популярного изложения автор приносит в жертву научные факты. Можно сказать, что материал излагается на уровне работы Ничмана, вышедшей еще в конце прошлого века. Более серьезной является IV глава, посвященная финикийской заморской экспансии (стр. 57—

75). Автор является сторонником теории ранней колонизации, начавшейся еще во II тыс. до н. э., по в то же время он игнорирует бесспорные данные об основании Карфагена не в 814, а в 825 г. до н. э.¹. Далее дается история государственных институтов Карфагена и краткий очерк истории религии, культуры, ремесла и письменности Карфагена. Однако и он столь поверхностен, что у читателя не может остаться цельного и ясного впечатления хотя бы об основных моментах истории финикийцев. Пожалуй, самым ценным в рассматриваемой работе является хорошо подобранный иллюстративный материал по I тыс. до н. э. В целом же книга не намного превосходит появившуюся в 1961 г. книгу Д. Барамки (*D. Baramki, Phoenicia and the Phoenicians, Beirut, 1961*), где в угоду популярности изложения также принесена в жертву историческая достоверность авторского изложения.

М. Г.

¹ См. J. Liver, *The Chronology of Tyre at the Beginning of the First Millennium B. C.*, *IEJ*, III, 1953, № 2, стр. 113—120; И. Ш. Ипфман, К истории основания Карфагена, *ИДВШ*, ист. науки, 1960, № 1, стр. 155—166.

L. R. PALMER. *Mycenaeans and Minoans. Aegean Prehistory in the Light of the Linear B Tablets*, L., Faber and Faber, 1961, 264 стр.

Известный английский филолог Леонард Палмер в своем исследовании о культуре и быте островной и материковой Греции II тыс. до н. э. основывается на материале документов линейного письма В.

Особого интереса заслуживают последние разделы монографии Л. Палмера, посвященные «лувийской» проблеме (соответствующие соображения уже высказывались им ранее в журнальных статьях). По мнению автора, в начале II тыс. до н. э. (~1900 г.) на территорию материковой Греции вторглись родственные хеттам индоевропейские племена лувийцев. С приходом лувийцев Л. Палмер связывает расцвет крито-микенской культуры, во многом идентичной древней культуре Бейгесултана (Западная Малая Азия). Сходными причинами автор объясняет и широкое распространение в этот период «сероминийской» керамики, полагая, что носителями ее были анатолийские (лувийские) племена, захватившие Трою VI. Среднеминойский период III B на Крите («Новая эра») связывается автором с приходом лувийцев с севера (~1700 г. до

н. э.; по А. Хойбеку, отстаивающему сходную точку зрения, хеттоязычные народы пришли на Крит с востока морским путем). Именно лувийцам принадлежит, как полагает Л. Палмер, создание табличек линейного письма А (Крит, 1700—1450 гг.), предшествовавших греческим документам линейного В. В подтверждение своей гипотезы о «лувизации» Средиземноморья в первой половине II тыс. до н. э. Л. Палмер приводит некоторые лингвистические данные (гораздо большее количество языковых фактов использует А. Хойбек в своих «Праеграесах»; см. аннотацию). Из рассуждений Л. Палмера следует, что приход греков «к себе» относится к гораздо более поздней эпохе, чем обычно думают: действительно, Л. Палмер датирует их приход на материк XVII—XVI веком до н. э. (~1600 г.), а на Крит — лишь XV—XIV веком до н. э. (~1400 г.; см. табл. на стр. 255 сл. книги Палмера). Соответственно делается вывод, что кносские таблички (письмо В) написаны не раньше, а позже пилосских.

Книга Л. Палмера содержит, таким образом, немало оригинальных, хотя в ряде случаев чрезвычайно спорных, соображений. На эту книгу уже написано множество весьма противоречивых рецензий, опубликованных не только в специальных журналах, но и в газетах. Недавно Л. Палмер вновь обратился к исследованию языка документов линейного письма А: ему удалось найти несколько новых свидетельств, подтверждающих, как он полагает, лувийский характер этого языка¹. Л. Палмер подготовил к печати две новые книги: «The Interpretations of Mycenaean Greek Texts» и «The Find Places of the Knossos Tablets», в которых он стремится доказать, что греческие таблички Кносса должны датироваться концом позднемикенского периода III В; в эту эпоху кносский дворец подвергался неоднократным реконструкциям, причем под мозаичной пола, датируемого Эвансом среднемикенским периодом III (нижняя часть северного коридора), были обнаружены черепки, относящиеся к ПМ II—III. Эти не опубликовывавшиеся ранее результаты раскопок должны, по мысли Л. Палмера, окончательно убедить читателя в том, что приход греков на Крит и составление табличек линейного В следует относить ко второй половине II тыс. до н. э.

В. Ш.

A. HEUBECK, *Praegraeca. Sprachliche Untersuchungen zum vorgriechisch-indogermanischen Substrat*, Erlangen. 1961, 90 стр.

Отдельные элементы «хеттской» теории, разработанной профессором древнегреческой литературы Эрлангенского университета д-ром Альфредом Хойбеком, уже содержались в его докладе на VI Международном конгрессе по ономастике, состоявшемся в 1958 г.¹

В окончательном виде эта теория изложена в «Праеграесах». Эта монография имеет довольно сложную структуру: после небольшого предисловия, написанного уже после окончания работы над книгой и содержащего некоторые новые мысли относительно датировки прихода греков «к себе» и создания табличек линейного письма В (стр. 5 сл.), автор помещает сравнительную таблицу предлагавшихся до сих пор чтений syllabem письма В (стр. 8—10), после чего следует библиографический указатель (стр. 10—12) и список сокращений (стр. 12). Только на стр. 13—22 мы находим собственно предисловие (раздел А «Состояние исследований»), за которым следуют три основные части — разделы В. I «Замечания о звуковой системе» (стр. 23—30); В. II «Замечания о словопроизводстве и именном образовании» (стр. 31—57); В. III «Замечания об отдельных словах» (стр. 58—78) — и заключительная часть работы: раздел С «Заключительные замечания» (стр. 79—82). Монографию завершают большой указатель слов (стр. 83—88) и таблица «хеттских» соответствий в языках Греции и Крита, с одной стороны, и Малой Азии, с другой (стр. 89 сл.).

В соответствии с «хеттской» гипотезой А. Хойбека в начале II тыс. до н. э. хеттоязычные индоевропейские племена («хетты» в терминологии А. Хойбека) населяли не только Анатолию, но и Балканский полуостров (во всяком случае, его южную часть), а также ряд островов Средиземного моря. На Балканы хетты пришли из Малой Азии приблизительно в XIX в. до н. э., а на Крит (и на некоторые другие острова) — в XVII в. (тоже из Малой Азии, но более южным путем). Как видим, «хеттская» теория А. Хойбека сходна с «лувийской» теорией Л. Палмера (см. мою аннотацию на кн.: L. R. Palmer, «Mycenaean and Minoans»), однако если Палмер опирается в своих выводах в основном на данные археологии, то А. Хойбек оперирует главным образом лингвистическими данными (уделяя в то же

¹ Подробнее о проблеме языковой принадлежности документов, записанных линейным письмом А, см. в моем обзоре «Новые исследования по хеттологии», публикуемом в ВЯ за 1964 г.

¹ A. Heubeck, Die Entzifferung der griechischen Linearschrift B und das vorgriechische Substrat, «VI. Internationaler Kongress für Namenforschung. Kongressberichte», II, Münch., 1961, стр. 333—338.

время достаточное внимание таким археологическим проблемам, как вопрос об исходных пунктах распространения «сероминийской» керамики и т. д.).

А. Хойбек считает, что если на востоке (Анатолия) «хетты» долгое время сохраняли свой язык (как известно, кроме «древних» хетто-лувийских языков существовали и «поздние», а именно — ликийский и лидийский; А. Хойбек относит к «восточнохеттским» с некоторыми оговорками также карийский и сидетский), то на западе (юг Балкан, острова) «хетты» довольно рано подверглись ассимиляции со стороны вторгшихся греков. Дольше всего «хеттские» диалекты удерживались на Крите (критских «хеттов» А. Хойбек называет «минойцами»); именно на этих диалектах написаны, по мнению А. Хойбека, таблички линейного письма А (древнейшего индоевропейского письма, по Э. Перуцци)².

Многие особенности языка «минойцев» сохранились в греческом языке победителей в качестве субстратных элементов; лишь в виде таких элементов дошел до нас и другой «западнохеттский» диалект — «минийский», соответствующий «пеласгскому» языку в терминологии В. Георгиева и его лингвистической школы³. Наиболее дальним осколком «хетт-

ского» был, по мнению А. Хойбека, этрусский язык.

В доказательство своей теории А. Хойбек приводит, кроме ряда непосредственных языковых параллелей типа «минойской» — ликийский, «минойский» — карийский и т. д., еще и ряд фонетических и морфологических особенностей, общих всем или почти всем «хеттским» языкам. К таким особенностям относятся, в частности, наличие лабиовелярных в «хеттских» языках, слоговые плавные, звуки типа *l/d* (влияние изначального доиндоевропейского субстрата), разветвленная система гласных, компенсирующая скудную систему согласных: по мнению А. Хойбека, в «хеттских» языках имелся всего один ряд смычных (ср. особенно линейное А), соответственно фонологическая корреляция по глухости — звонкости — придыхательности отсутствовала (отсюда частые графические и фонетические колебания типа *t:d* в «хеттских» диалектах).

В морфологическом отношении «хеттские» языки характеризовались разветвленной системой именных основ на гласные (в частности, на *-i* и *-u*), гетероклизией типа нуль : *n* и т. д.

Несмотря на то, что выводы А. Хойбека даже в их совокупности не могут считаться доказательными (а в ряде случаев они просто спорны: едва ли, например, известные хетто-лувийские языки характеризовались всего одним фонологическим рядом смычных!), исследования этого ученого заставляют по-новому взглянуть на многие лингвистические факты, что само по себе очень ценно. Надо заметить к тому же, что, видимо, можно обнаружить целый ряд дополнительных свидетельств в пользу «хеттской» гипотезы: так, один из «поздних» хетто-лувийских языков — карийский — обладает рядом особенностей, роднящих его не только с хеттским, лувийским, лидийским и ликийским языками, но и с языком документов линейного письма А (в чтении А. Фурумарка — Э. Перуцци — П. Мериджи). Возможно, однако, все эти данные свидетельствуют не столько о «хеттском» генетическом родстве, сколько о «средстве» «хеттских» языков (например, в рамках хетто-минойского языкового союза).

В. Ш.

² В своих чтениях «минойских» текстов А. Хойбек опирается на выводы А. Фурумарка и других ученых, по мнению которых знаки линейного письма А соответствовали синлабам линейного В не только по графической форме, но и по звуковому содержанию: греки, наслонившиеся на минойцев, заимствовали у них линейное письмо, преобразовав его при этом лишь в незначительной степени.

³ А. Хойбек, соглашаясь с основными положениями представителей этой школы, в соответствии с которыми между доиндоевропейским субстратом греческого и самим греческим имелся еще и специфический индоевропейский языковой слой («догреческий» индоевропейский субстрат), отказывается видеть в этом слое особый язык типа сатем, характеризовавшийся передвижением согласных и другими «пеласгскими» закономерностями, трактуя его как один из «хеттских» диалектов, характеризующийся соответствующими языковыми закономерностями.